

ТЕКСТЫ ПРОТОИЕРЕЯ ДИМИТРИЯ
ИВАНОВА, ПРОЗВУЧАВШИЕ В ЭФИРЕ
РАДИО «РАДОНЕЖ». Май 2022.

ВАРЯГИ.

Наш загадочный мир героических саг,
Как на камне замшелом рунический знак:
Прочитаешь его и уведаешь как,
Оказаться в стране Гардарики.

Наш затерянный мир не покажут в кино,
В наше время не каждый откроет окно,
Наша грозная слава погасла давно,
Отгорели последние блики.

Не найдётся у вас в навигаторах карт,
Где есть Хольмгард и Пальтескья, и Кэнугард,
За таинственной Бьярмой лежит Йотунхейм,
В наше время не сыщешь дорогу.

Но живёт сквозь века славный русский народ,
И варяжская кровь в наших жилах течёт,
Русь святая стоит. Русь святая поёт,
Славя в Троице вечного Бога.

СНОРРИ.

Он видит круг земной издалека:
Льды севера, моря, пустыни юга,
И пишет скальда верная рука,
Про скорбный путь людей в пределах круга.

Как в круг земной врезаются моря
Он Нёрвасунда и до Йорсалира,
Изрезанная фьордами земля
Как древний щит, изрубленный секирой.

Искромсанный в сражениях круг земной
Наш падший мир изменится едва ли,
И викинги идут в последний бой,
Чтобы собраться пировать в Валхалле,

Но мир так тесен, и ответ так прост:
Побеждена давно вся сила ада,
Спаситель мира Иисус Христос,
К Нему драккары снаряжать не надо.

Пред Ним ничто пространства и века
Суд Божий явится над миром вскоре,
И видит круг земной издалека,
Сын Стурлы Тордарсона скальд исландский Снорри.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ.

Составил Нестор летопись свою,
Пошла есть Русская земля откуда.
Теперь он молится за нас в раю,
А нам оставил летописи чудо.
Там утра русского забрезжился рассвет.
Там Киев есть, там Украины нет.

О, Русь святая! Раем бы была ты,
Когда бы половцы не жгли нам города,
Когда б не восставали брат на брата,
В грехах мы сами для себя беда.
Так трудно разобраться кто же прав:
Олег, Давыд, Владимир да Мстислав.

Коварный наговор грозит войною,
А где война, там смерть и море слёз,
Святая Русь - сплошное поле боя,
Так страшен мир, где пострадал Христос!
И прелагаются вино и хлеб,
И правы навсегда Борис и Глеб.

А Русь раскинулась по рекам и в лесах,
В Тмутаракани и в степях на юге,
Крестилась Русь, но мир - на небесах,
А здесь мятеж и смута по округе,
Клянутся в мире и целуют Крест,
А завтра: кто кого скорее съест.

Знамена в небе! По грехам беда!
По городам видений грозных сколько!
Спокойнее жилось у нас тогда,
Как веру приняла святая Ольга.
И сокрушается о христианском роде,
И пишет о последних временах
И буквы летописи со слезой выводит.
Смиранный Нестор, киевский монах.

ВРЕМЯ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА.

Едет-едет Мстислав Удалой,
Переведаться со старшим братом,
Грянет-грянет безжалостный бой,
Человеческих жизней растрата.

За Мстиславом Кавказ и Кубань,
С ним черкесы, хазары, касоги,
С ним Чернигов и Тмутаракань,
И смиренная память о Боге.

Ярослав вышел с войском навстречь,
С ним норвежец Хакон да варяги,
Многим-многим костями здесь лечь,
Ради княжеской ратной отваги.

И у Листвена братья сошлись,
Страшно молнии в небе сверкали,
И варяги свирепо дрались,
И черниговцы насмерть стояли.

И прошло с той поры много лет.
Время смыло кровавые пятна...
О, История! Школьный предмет!
До конца ты как Русь - не понятна.

КНЯГИНЯ ОЛЬГА.

О, жено! Что в твоих глазах: война
Война и месть, походы и дороги,
Княгиня Ольга для врагов страшна,
Княгиню Ольгу вдохновляют боги.

Не торжествуй же, о древлянский князь!
Придёт огонь, пожрёт твои чертоги,
Княгиня в гневе. Распря началась.
Княгиню Ольгу вдохновляют боги.

Послов не видно уж который день,
Князь Мал, желаешь в жёны Ольгу ты ли?
Погибнет город твой Искоростень.
Твоих послов живьём похоронили.

Свенельд и Асмунд опытны в бою,
И войско постоит за Святослава,
Сверкает сталь, валькирии поют,
И ждёт древлян жестокая расправа.

За Игоря отмщенья срок настал!
Дружина собирается в дорогу,
Но Тот, кто на Кресте за нас страдал,
Княгиню Ольгу призывает к Богу.

О страшный мир, где пострадал Христос,
Где тайна нашего преображенья,
Где Сам Господь с Собой на Крест вознёс,
Все наши страсти, войны и сраженья.

Столетия пролетают словно миг,
О сколько прожито, и позабыто сколько,
Но в памяти народа светел лик
Твой светлый лик, княгиня наша Ольга!

ВРЕМЯ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА.

Батыевы тьмы пожгоша и грады, и веси,
Святыни попраша, людей забираху в полон,
Погибели Русской земли веселяхуся беси,
Отечество наше исполни рыдание и стон.

Князья и бояре, и вои на сечах падоша,
И слава Руси Православной сокрылася есть,
Языцы чуждии гордыню свою воздвигоша,
О, Спасе благий! Сохрани христианскую честь!

Нам Бог дарова на защиту великого мужа,
И Церковь до днесь превозносит его лепоту.
Святой Александре! Господь просвети твою душу,
Ты жизнь полагаше на службу друзьям и Христу.

Защитниче веры! Любимче народа и Божий!
Яви свою милость: приспе искушения час.
Ста вопль нечестивых, да негли их сила возможет,
Но мы станем твердо, и князь Александр за нас.

Христос Воскрес, Себя явив
Своим ученикам,
Да проповедуют они
Всем сущим языкам,
Да Церковь всюду возрастет,
Да будет мир спасён,
Да славу Господу поёт,
Вплоть до конца времён.

Но мир во зле и труден путь
Апостолов святых,
Язычество лежит во мгле,
Мир ненавидит их,
Их всюду гонят за Христа,
Из града и во град,
Но Весть Благая их свята,
И отступает ад.

Но до последнего Суда
Борьбе теперь кипеть.
Стремятся адские врата
Град Божий одолеть.
В иной Небесной стороне
Далёк наш Отчий дом,
А здесь всегда как на войне
Грядущий за Христом,

Проходит день, горит заря,
Померкнет скоро свет.
Почто, душа, ты тратишь зря,
Свой век на интернет?!

ВИЗАНТИЙ ЗА НАМИ.

Над строем качнётся имперское знамя,
И свет воссияет на наших полках.
Фаланги сомкнулись. Византий за нами,
Прославленный в самых далёких веках,

И дочь василевса блаженная Анна,
При свете лампы ведёт свой рассказ...
И дрогнут суровые в битвах норманны,
И турки не раз ещё вспомнят о нас,

Минувшего века восстанут картины,
Узнает читатель эпохи иной,
О славных делах Алексея Комнина,
Про тагмы ромеев, идущие в бой,

И войско возглавит великий domestik,
К победам сквозь войны, пожары и дым,
И мир погибающий в Боге воскреснет.
Воскресе Христос, и мы с Ним победим!

ВИЗАНТИЙСКАЯ СТАРУШКА.

Старушка за книгой. В покоях темнеет.
А в келье лампада горит пред иконой.
Светильник зажжён. Тени резче, длиннее,
Рассказы страшнее средь ночи бессонной.

Она вспоминает про время былое
И пишет, перо окуная в чернила.
Старушка когда-то была молодойю.
Всё было иначе. Достойней всё было.

Был заговор тайный, мятеж и интриги,
Отец-император, варяги, норманны,
Гвискар, Боэмунд, мама, детские книги,
Война, печенеги, далматы, куманы,

У всех для войны находились причины.
Нас варвары в мире оставят едва ли,
То турки, то скифы, то вдруг сарацины,
С кем только ромеи не воевали!

Потом было время крестовых походов.
Ах, франки! Народ необузданный, право!
Танкреды, Сен-Жили, маркизы, бароны,
Пришли на восток за добычей и славой.

А варвар не может без крови и дыма,
Не станет дикарь просвещённым ромеем!
И льётся на улицах Иерусалима
Кровь мирных людей: мусульман и евреев.

Вот, что-то припомнив, старушка вдруг встала,
С простёртой рукой в горделивую позу:
Отца никогда ничего не пугало:
Ни франков бахвальство, ни турок угрозы.

Он был самодержец, народом любимый,
И Город он сделал преддверием рая,
Чтоб был сирота и калека счастливым,
Без помощи чтоб не страдал, умирая.

Но время течёт невозвратной рекою.
Безжалостна смерть. Недостоин наследник.
Уходит всё славное и дорогое,
Империя гибнет. Век нынче последний!

И капают слёзы, бумага размокла,
Чернила поплыли, такая досада!
Опущены шторы, темны её окна,
И жизни уже догорела лампада,

Христос её встретит достойной наградой,
Утрёт её слёзы. Рассеет кручину.
И мир зачитается Алексиадой
Про славное время эпохи Комнинов.

СТАРИНА.

В стародавние века допрежнетутошные,
Да в былые времена допреждедавешние,
Жили люди все без электричества,
Печь дровами топили да по-чёрному,
Воду с кладезей носили коромыслами,
Ну, а прочих энергоносителей
Люди русские в ту пору и не ведали,
Хороводы водили по-старинному,
Песни пели по хороводному,
Уважали обычаи церковные,
А грешили да всё по простоте,
По-простому, по неучённому,
По дремучей русской старине.

В соцсетях народ наш не сиживал,
В интернетах народ наш не расхаживал,
Ничего никто не отцифровывал,
Персональных данных не имел.

То-то было приволье потешное,
То-то было богомолье утешное,
То-то было раздолье привольное,
Полевая жизнь, воля вольная,
Счастье древнее, безинтернетное,
Мир да лад, да застолье приветное,
Брага, мёд, веселие,
Да Великий Пост,
У Христа-Света спасение,
За селом погост,
Благо веровать в воскресение.
Благо тем, кто душою прост.

УВЕЩАНИЕ СЕБЕ.

Бывает на душе какая-то досада.

И кажется, что ничему не рад.

А считаешь, как Батый спалил Рязань или Владимир-град,

И думаешь: чего ещё нам надо?!

Вот кто герой: Евпатий Коловрат!

И смерть такому – славная награда,

А мы без всякой Золотой Орды

Порой психуем из-за ерунды!

Ну, да: не мелочи. Ну, да: кругом засада.

А что хотел ты? Прележать диван?

Чтоб на душе избыток мармелада,

Чтоб всё по-нашему всегда и как нам надо?

В Кресте Спасителя ответ для христиан!

СИНОДИК.

Мысль о том, что я что-то забыл приготовить к архиерейской службе, возникла в голове внезапно и уже после богослужения накануне родительской субботы. Я пришёл домой, слегка поужинал, прочитал вечерние молитвы, но чтение «Истории» Льва Дьякона, которой я завершал последние несколько вечеров, не шло. Так, кафедру поставили, - перебирал я. Комплект просфор, вино, отец Николай, духовник Православной школы подъедет помогать... Что ещё? Кассир проинструктирована, хор будет петь архиерейский. Но, что же я забыл? О, нет! Я забыл распечатать небольшой синодик для архиерея, который мы обычно готовим к таким службам. А завтра Родительская суббота, значит, синодик должен быть заупокойный. Где же я его теперь распечатаю? А вот, что, - нашёлся я, подумав, - отцу Николаю и позвоню. У него принтер, пожалуй, работает. Недолго думая, звоню отцу Николаю. Час, конечно, уже поздний, батюшка явно собирался отдыхать. Голос отца Николая в мобильном телефоне звучал уже несколько сонно. Я изложил свою просьбу насчёт синодика для архиерея. «Ох», - устало вздохнул батюшка, - «Сейчас узнаю, работает ли принтер. Если что, я перезвоню». И положил трубку. Прошло какое-то время, за которое я успел выжать морковный сок, смиряясь с мыслью, что, видимо, придётся извиняться перед владыкой за отсутствие синодика. «Так-то Вы заботитесь о душах почивших прихожан, которые Вас кормили-поили при жизни, а теперь просят за Вас Господа на Небесах?!», - слышался мне грозный голос правящего архиерея. Наконец, раздался звонок. Я принял вызов, и отец Николай уже не заспанным, а обычным голосом сообщил:

- Батюшка, у нас принтер работает. Давайте диктуйте, кого поминать. Я ведь Ваших усопших прихожан не знаю.

- Ну, отец Николай, да Вы напишите всех, кто раньше у нас помер ещё до разделения прихода, - это я помянул время, когда Приход наш был гораздо больше, включая в себя несколько храмов города Обломова и подворье в сельской местности, - мы же тогда все на одном Приходе служили.

- Да. А кого запишем? Что-то я так сразу не соображу, - ответил отец Николай.

- Ну, хотя бы можно и Александру Сергеевну для начала. Помните, мы к ней на пироги ходили.

- О... Сколько лет прошло. Я её, честно говоря, редко поминаю. А ведь она тогда, считай, банду рабителей задержала в 90-е годы.

- Грабителей? Это Вы про что? – недоверчиво спросил я, зная, что отец Николай после тяжёлого КОВИДа иногда путается в воспоминаниях, событиях и датах.

- Батюшка! – с укоризной воскликнул отец Николай, - Да, Вы разве не помните?!

- Это про что? Может из головы просто вылетело. Уже года двадцать два тому назад дело было, может, что и забыл.

- Хм, ну как же. К ней тогда якобы электрики какие-то приехали. Жила она одна: старушка-инвалид. Даже из подъезда не выходила, причащалась на дому и болела ногами.

- Ну, про это-то я помню. А вот про электриков что-то смутно так вспоминается.

- Ну, они ей представились, как электрики из домоуправления, а это были иконные воры. Которые за антиквариатом охотились. Узнали, что у бабушки иконы есть в окладах, старинные, вот и нагрянули.

- Так, и что же она? – спросил я, зная, что отца Николая, если он начал что-то рассказывать, трудно остановить. К тому же этот случай я действительно в подробностях не помнил. Вроде было когда-то, но припоминалось смутно.

- Ну, так она их вначале пускать вроде и не собиралась, но они ей зубы заговорили. Мол, мы все квартиры обходим, у соседей Ваших уже были, теперь вот к Вам. Давайте присядем, Александра Сергеевна, Вы все ваши нужды и пожелания изложите, мы запишем, и наше домоуправление Вам поможет. Советские люди доверчивые были. Вот и провела она их в квартиру. Один её в комнате к столу усадил и, типа, пишет. А она всё рассказывает, где кран течёт, где в окно дует. Про соседку-пьяницу. Вор-то и увлёкся, заслушался. А второй в это время иконы в кухне все сгрёб, их прямо от входа видно было, залез в кладовку и пакует их в мешок или куда. Только слышит Александра Сергеевна, что сосед, вроде, на работу собрался и дверь на лестничной площадке открыл. Она и пошла его спросить. Как-то уж этот грабитель растерялся. Может, ничего такого он не ожидал. Да и сосед видит, дверь чуть приоткрыта, и тоже заглянул, мол, Сергеевна, ты как тут. А она дошаркала до двери и говорит, мол, вот электрики пришли. К тебе, Лёша, говорят, тоже приходили. Он, мол, какие электрики. Тут она обернулась на кухню. Смотрит, а икон-то нет. Она и закричала. Сама, говорит, не помню, что на меня нашло. Тут на крик её ещё народ подтянулся. «Электрик»-то бежать. Внизу его машина ждала. А второго уже и заперли до милиции в кладовке. Потом целую банду раскрыли. Выездное заседание суда даже к Александре Сергеевне приезжало. Она просила этих жуликов простить, всё их жалела. Но суд приговорил. Как же Вы, батюшка, не помните?

- А, ну ладно, вроде что-то вспоминаю. Пишите уже о упокоении: «Александрю».
- Так, кого ещё? Ну, давайте еще Павла Иваныча запишем. Ведь регент был от Бога, что называется, - вспомнил отец Николай.
- Это, да. Запишем, давайте, но ведь был грех-то у него.
- Ну, батюшка, один Бог без греха. А музыкант, считаю, он был от Бога. На клирос всегда в костюме-тройке и при галстук-бабочке ходил. Жара ли холод, а ведь у нас тогда и с отоплением были проблемы, а он всегда в костюме, при галстук, с камертоном. Ну, пальто, если уж замёрзнет, накинёт.
- Да, помню: иду мимо вашего храма, а Павел Иванович шатается бедолага от крепких напитков, стоит перед лужей в костюме и старается в грязь не упасть. Сколько говорили ему, сколько увещали – не мог он от своей пагубной страсти отойти до самой смерти. Стоит ли его, право, на архиерейское поминовение предлагать? – усомнился я, - запишите-ка лучше батюшка Алевтину и Григория.
- А это кто такие? - спросил отец Николай.
- Это приличные люди, наши прихожане. Алевтина Михайловна всю жизнь врачом работала в ЦРБ и почти до ста лет дожила, а её супруг Григорий Петрович – он вообще следователем СМЕРШ был. Потом юристом всю жизнь. Ну, там бывших не бывает, Вы же знаете, батюшка. И сподобились они с Алевтиной Михайловной христианской кончины, исповедались, причащались, соборовались. Григорий Петрович только перед смертью, конечно, воцерковился, раньше-то партийный был, а супруга его - наша старая прихожанка. Так что запишите: Алевтину и Григория.
- Хорошо. Но, знаете, батюшка, за Павла Ивановича тоже надо молиться. Он ради наших городских хоров карьеру оперного певца оставил в свое время. А мог бы на базаре торговать, как многие другие музыканты на его месте. Ну, выпивал, он, конечно. Да. Артист с большой буквы, что называется, и всё такое. Но вот он-то как раз сподобился христианской кончины. Причастился за три дня до смерти, помню. А пел всё последнее время: «Умру ли я стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она?» Да, жалостно так пел. Со слезой.
- Да, давайте, конечно. Пусть владыка помолится за него. Наш владыка любит за таких молиться. Ну, отрока Олега тогда запишите.
- Да. Вот хорошо, батюшка, Вы вспомнили! Уж он-то за нас на Небесах вздохнёт перед Владыкой!
- Да, сколько времени прошло. А припомнишь, так слёзы потекут. Я его навещал в больнице незадолго до кончины, помолился с ним. И так жалко

мне его стало, что он совсем юным к смерти зрит уже и так страдает. Я его и спросил тогда... Ну, мы тогда все моложе и как-то проще что ли были. Верили, что ли как-то наивней. Я его спросил: «Вот, Олег, ты сейчас сильно болеешь. Ведь никто не знает, сколько тебе еще терпеть, быстро ли ты поправишься». Как-то язык не поворачивался говорить ребёнку, что он может скоро умереть. «А ты не думал», - спрашиваю, - «Что можно попробовать дать Богу такое слово: монашество принять, если исцелишься? И Господу послужить?» А он подумал немного и отвечает, а лицо ясное-ясное такое сделалось: «Нет, батюшка, я с ребятами люблю играть. В футбол, в войну, музыку люблю слушать»... Тут я и сам вслед за отцом Николаем увлёкся картинами прошлого, уводящими в воспоминания, в даль прожитых лет, так сказать.

- Да, - ответил отец Николай, Господь прибрал. Я думаю, иной раз: вот дети или просто люди какие-то столько мучаются иногда, а нам-то, батюшка, что предстоит? Мы-то по грехам нашим точно так просто не помрём. Впрочем, Бог милостив. Ладно. Пишем отрока Олега. И кого еще?

- Ну, давайте еще убиенного воина Григория, в Сирии он погиб, Николая, алтарника.

- А, помню, он еще головой как-то странно всё время качал.

- Да, он инвалид был. Всё наши люди. Ну, Марию, Антонину, Анастасию, - я предложил ещё имён пятнадцать, - и, пожалуй, хватит.

- Да, и всё люди такие простые, хорошие были, иных и я знал, - вздохнул отец Николай и процитировал стих:

- «Люди уходят один за другим,
Дни нашей жизни летят словно дым,
Старцы и дети, друзья и родня,
Время пройдёт – смерть возьмёт и меня». А, давайте, ещё Василия, батюшка, запишем, - с какой-то жалостью в голосе предложил отец Николай.

- Это какого?

- Ну, Шурупа. Погоняло у него такое было: «Шуруп».

- Ну, батюшка, а хорошо ли на архиерейской службе Шурупа поминать?

- Мы же не напишем «Шуруп». Напишем «Василий».

- Ну, мир криминала зачем тащить на архиерейское богослужение? Пусть смиряются.

- Батюшка, - настойчиво произнёс отец Николай, - ну пусть его с благоразумным разбойником Бог спасёт. Отпевал я его в 2001-м году. В закрытом гробу, конечно, хоронили. Он, знаете ли, как авторитет

криминального мира, был против наркотиков в нашем городе, не пускал сюда наркотрафик. И книги православные очень любил читать. А как убили его в Тверской губернии, так и пошло-поехало. Совсем другие понятия появились в городе, жизнь очень изменилась с тех пор. Давайте, батюшка, запишем Шурупа.

- Ну, тогда давайте уже и Лялю запишем.

- Лялю? – спросил отец Николай, - какую Лялю?

- Ну, это цыганку так звали. Я, как помните, язык их изучал и знал её сестру, а Ляля на исповедь ко мне ходила ещё до того. Такие у неё были грехи, как мне показалось, тяжёлые, что я её до Причастия Святого не допускал, наложил епитимью, она неграмотная была, ну я ей благословил пятисотницу тогда читать. Пятьсот Иисусовых молитв. Это у меня период младостарчества тогда был, думаю, в те годы. Исправиться и стать как все прихожане она конечно не смогла. Потом она пропала, я её больше и не видел. А потом сестра её, когда я стал цыганским языком интересоваться, как-то сидела у печки, песню напевала. Спрашиваю, мол, что ты, Вера, поёшь, а ей отпхэнэл, хай, Ляля мзя, и мэ рипирав э гиля, савэ ей багалас. Так я и узнал, что Ляля умерла. Давайте, батюшка, Лялю запишем.

- Э, батюшка, я тут эти Ваши ромалэ не все понял, что Вы там говорили, но, ладно, Вас, стало быть совесть обличает или что-то такое, но что, так и писать: «Лялю»? А она крещёная вообще была?

- Конечно, конечно, батюшка. Пишите: «Ольгу». Крестили её Ольгой.

- Ну, что, пожалуй, уже много набралось. Давайте на бандитах и цыганах уже закончим, что ли?

- Ну, отец Николай, как благословите, конечно. Станный у нас синодик, если вдуматься: сотрудники контрразведки и бандиты, почтальоны и военнослужащие, врачи, учителя, учащиеся – кого только нет.

- И всё ваши прихожане, заметьте, какой у Вас Приход замечательный, - подытожил отец Николай, - и, батюшка, давайте напоследок еще рабов Божиих Александра, Николая, Николая, Феодора, Иоанна и да, еще Александра.

- А это кто? – спросил я с подозрением, - Не лишку ли уже будет?

- Пушкин, Гоголь, Карамзин, Достоевский, Гончаров и Грибоедов, - ответил отец Николай.

- Да?! Ну, тогда давайте еще Феодора Тютчева, Александра Суворова, Сергея Рахманинова, - предложил я.

- Ну, тогда еще и самодержцев всероссийских надо написать, бояр и купцов: пусть владыка всех помянет. И мы продолжили заполнять синодик для поминовения на архиерейской Литургии самыми разными именами крещёных и отошедших от земной жизни прихожан. Теперь к встрече правящего архиерея всё было готово.

- Эх, батюшка, - вздохнул я наконец, - много мы тут всего вспомнили, а, знаете, мне иной раз и подумается: время-то как пролетело! Жизнь прошла как сон. И правда: не приснилось ли это всё нам: Горбачёв и Ельцин, распад СССР, девяностые годы, бандиты эти, цыгане, стройки, ярмарки, и эта ужасная война: не сон ли это был?

- Ну, отче, Вы это не придумывайте. Трезвитесь и бодрствуйте. Вам еще владыку завтра встречать. Так что, спокойной ночи. Пора уже, - завершил разговор отец Николай. И с пением «Се Жених грядет в полунощи...» я пошёл отдохнуть перед предстоящей завтрашней службой.